

UN ENGLISH-LANGUAGE DISCOURSE: PECULIARITIES AND APPLICATIONS IN DESCRIBING THE WORLD ORDER

Nastasia Britsyna

MGIMO University
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This research paper is set in the context of growing interest towards globalization and its effects on contemporary English-language discourse. The focus on the United Nations' discourse can be explained by the pivotal role of this organization in identifying, shaping and spreading global trends. The underlying assumption is that conceptual, cognitive and semantic analyses of the English-language UN discourse enable deeper understanding of the western worldview, which expands into other types of discourse with a broad audience (media, educational, etc). The application of the conceptual metaphor theory has allowed to discover a conceptual-definitional level as well as image and value levels of the employed concepts in order to find out cognitive linguistic tools which construct the world order model and the view of today's reality. The study has shown that the language behaviour can be described with the dichotomy "uniting – separating". On the one hand, reality is represented as a "family" field of life (based on the conceptual metaphor THE WORLD IS A FAMILY) with inherent family values and obligations. On the other hand, the world is subject to explicit categorization through the conceptual opposition of FRIEND vs. FOE and the conceptual and metaphorical model of "The fairy tale of the just war". Mechanisms of linguistic hierarchization of participants' relations were also revealed with the help of conceptual metaphors RELATIONS AMONG STATES ARE PARENT-CHILD RELATIONS and LEADER STATE IS A NURTURANT PARENT. The results of the study may be useful for further research on contemporary English-language discourse in a cognitive-pragmatic way, with the possibility of using the identified conceptual metaphors to detect speech tactics and strategies, as well as for comparative analysis of the constructed English-language world view with language models represented by other official UN languages: Russian, French, Spanish, Chinese and Arabic.

Keywords: English language, conceptual metaphor, UN discourse, discourse of international organizations, political discourse, cognitive linguistics, discourse analysis, semantic analysis, metaphoric concept, concept

For citation: Britsyna, N.M. (2022). UN English-language discourse: peculiarities and applications in describing the world order. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(3), pp. 70–81. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-3-32-70-81>

АНГЛОЯЗЫЧНЫЙ ДИСКУРС ООН: ОСОБЕННОСТИ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ В ОПИСАНИИ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

Н.М. Брицына

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящее исследование вписывается в контекст возросшего интереса к глобализации и её проявлению в современном англоязычном дискурсе. Избрание дискурса ООН объектом исследования обусловлено важным статусом данной организации в выявлении, формировании и распространении мировых тенденций. Автор исходит из того, что с помощью концептуального и когнитивно-семантического анализа англоязычного дискурса ООН становится возможным углубить понимание современной западной картины мира, которая из анализируемого дискурса распространяется и в другие типы дискурса с массовым реципиентом (междисциплинарный, образовательный и др.). Применение теории концептуальной метафоры позволило автору помимо понятийного уровня актуальных концептов более комплексно исследовать также образный и ценностный уровни для выявления различных лингвокогнитивных языковых средств, при помощи которых конструируется модель миропорядка и даётся оценка действительности. Исследование показало, что языковое поведение участников дискурса можно описать дихотомией «объединение – сегментация». С одной стороны, коммуниканты репрезентируют действительность как поле жизни «семьи» (на основе концептуальной метафоры THE WORLD IS A FAMILY («Мир есть семья»)) с присущими семье ценностями и обязательствами; с другой – подвергают мир ярко выраженной категоризации посредством концептуального противопоставления СВОЙ vs. ЧУЖОЙ и концептуально-метафорической модели “The fairy tale of the just war” («Легенда о войне за правое дело»). Выявлены также лингвистические механизмы иерархизации отношений участников при помощи концептуальных метафор RELATIONS AMONG STATES ARE PARENT-CHILD RELATIONS («Отношения между государствами – это отношения родителя и ребёнка») и LEADER STATE IS A NURTURANT PARENT («Государство-лидер есть заботливый родитель»). Результаты работы могут быть полезны для дальнейших исследований современного англоязычного дискурса в когнитивно-прагматическом ключе, с возможностью использования выявленных концептуальных метафор для обнаружения речевых тактик и стратегий, а также для сравнительного анализа конструируемой англоязычной картины мира с языковыми моделями, которые репрезентируют другие официальные языки ООН: русский, французский, испанский, китайский, арабский.

Ключевые слова: английский язык, концептуальная метафора, дискурс ООН, дискурс международных организаций, общественно-политический дискурс, когнитивная лингвистика, дискурс-анализ, семантический анализ, метафорический концепт, концепт

Для цитирования: Брицына Н.М. (2022). Англоязычный дискурс ООН: особенности и практическое применение в описании современного миропорядка. *Филологические науки в МГИМО*. 8(3), С. 70–81. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-3-32-70-81>

Введение

Виду особого статуса английского языка в мире в целом и в Организации Объединённых Наций в частности (в мире английский язык является контактным, а в ООН – это язык большинства внутренних документов и заседаний органов), повышается интерес представителей различных сфер знания к особенностям функционирования английского языка в современном информационном пространстве. Что касается непосредственно англоязычного дискурса ООН, нельзя не отметить, что он сосредотачивает в себе магистральные направления мысли ведущих политических и общественных деятелей. В свою очередь то, какие фрагменты окружающей действительности вербализуются коммуникантами, напрямую влияет на построение других типов дискурса с массовым реципиентом (медийный, общественно-политический, учебный и т.д.), поскольку в рамках международных организаций фиксируются, поощряются «желательные» и предотвращаются «нежелательные» мировые процессы – как на рекомендательном, так и на директивном уровне. По этой причине изучение англоязычного дискурса международных организаций предоставит возможности создать более чёткий портрет англоязычной языковой личности, составить более полную картину происходящего в современном обществе и построить прогнозы относительно потенциальных перспектив развития общества в будущем. Особого внимания заслуживает тот факт, что анализ англоязычного дискурса ООН также даёт возможность получить представление о том, какая картина миропорядка конструируется современным английским языком: кто является участниками этого миропорядка, в каких условиях они существуют и в каких отношениях находятся.

Ранее проводившиеся исследования дискурса международных организаций выявили ряд метафор, которые способствуют созданию более или менее однозначной картины единственно правильного формата будущего, при этом возможные альтернативы отрицаются и признаются несостоятельными [4]. Так, явление глобализации, например, с помощью метафоры поезда препрезентируется в качестве объективного исторического процесса, которого невозможно избежать и который невозможно остановить, а «опоздание» на него ассоциируется не только с нежелательным, но и рискованным, опасным сценарием [9]. В то же время представляется целесообразным принимать во внимание субъективность категоризации явлений и объектов в различных лингвокогнитивных картинах мира. Так, И. К. Архипов подчёркивает: «Одни и те же признаки предмета группируются в различных коллективах по собственным законам когнитивной категоризации в различные конфигурации в силу различного интереса (внимания) к ним, а потому и различной оценки существенности той или иной группировки признаков» [1, с. 159]. Опираясь на вышесказанное, автор настоящей работы исходит из гипотезы о том, что участники современного англоязычного дискурса ООН различными лингвокогнитивными языковыми средствами создают особую модель миропорядка с определённой оценкой действительности, в связи с чем ставится цель обнаружить и описать концептуально-метафорические основы этой лингвистической модели.

Материал и методология исследования

Данное исследование было проведено на основе концептуального и когнитивно-семантического анализа современного англоязычного дискурса ООН с применением теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа [10].

Для подтверждения гипотезы были выделены концептуальные составляющие в высказываниях членов ООН и их лексико-семантические варианты, и проанализированы лексико-семантические поля, лежащие в основе их вербализации. С целью моделирования стереотипных ситуаций в изучаемом дискурсе были обнаружены несколько слотов. Для комплексного исследования концептуологический анализ предполагал выделение понятийного компонента, образного компонента, построенного на метафоризации, а также ценностного компонента с целью выявления отношения коммуникантов к конструируемой ими лингвистической реальности [5]. В ходе анализа метафоризации были идентифицированы основные сферы-источники (семья, межличностные

отношения, война, медицина и др.) концептуальных метафор для сфер-мишеней (международные отношения, международно-правовое урегулирование споров, проблемы международной повестки дня и пр.).

Материалом исследования послужили выступления делегатов в различных органах системы ООН (Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности и др.). В общей сложности автором было проанализировано 55 выступлений, средняя продолжительность которых составила 15 минут. Помимо речей лидеров государств на заседаниях органов ООН были также изучены основополагающие документы организации, в которых излагаются главные принципы, механизмы и сферы деятельности ООН, а также статьи, опубликованные на официальном сайте ООН и посвящённые актуальным проблемам современного мира (восемь статей).

Результаты

На основе проведённого исследования можно вывести базовые концептуально-метафорические схемы, вербализующиеся посредством современного английского языка в дискурсе ООН:

1. Устройство миропорядка, его облик и лежащие в его основе принципы и механизмы презентируются в рамках концептуальной метафоры *THE WORLD IS A FAMILY* («Мир есть семья»). В частности, с помощью частотных фразеологических единиц *The UN Family* (система ООН именуется «семьёй» на уровне устойчивого словосочетания; это стёrtая метафора). *International Community, Global Community* – международный порядок концептуализируется в терминах, обозначающих отношения «родитель – ребёнок» в рамках метафорической схемы семьи «заботливых родителей» (*nurturing parents*) [12] когнитивно-лингвистической модели, которую американский лингвист Дж. Лакофф отнёс к яркому проявлению либерализма в английском языке. В основе такой репрезентации действительности лежит стремление родителя обеспечить счастье каждого ребёнка (в связи с этим уместно вспомнить такие клише дискурса ООН, как *for the common good, for the good/benefit of all, etc.*), оказывая им постоянную помощь и поддержку и защищая от многочисленных опасностей (*evils*, в терминологии Дж. Лакоффа). Примечательно, что, как в «заботливой» семье, где старшие и сильнейшие помогают младшим и более слабым, так и в дискурсе ООН конструируется картина, где более зрелые и сильные государства (с политической и социально-экономической точки зрения) осуществляют защиту и поддержку тех государств, которые находятся на низшей ступени своего развития. Более подробная характеристика опасностей, от которых необходимо «защищать» детей, и как концепт «дети» актуализируется в контексте дискурса ООН, будет представлено в пункте 2.

Следует также отметить, что подобная система концептуализации системы ООН как семьи подразумевает в высшей степени тесное единение членов международного сообщества под руководством общих правил и устоев (как и в семье). Это позволяет лучше понять и интерпретировать популярные лексические средства, ставшие «строительным элементом» данного дискурса: *leave no one behind* (обещание, данное международному сообществу в основополагающем документе ООН «Повестка 2030» [18]); *make a difference together; empowering women at all levels; well-being for all at all ages; quality education for all / all women and girls*. В данную англоязычную систему метафоризации ООН в терминах семейных ценностей также вписывается и название одного из последних крупных документов организации по сегодняшней главной повестке дня: *Our Common Agenda* [19], «Наша общая повестка».

Конструирование «общего», «семейного» пространства реальности, где субъекты совместно сталкиваются с проблемами и совместно их решают, при однозначном условии поддержки более сильными более слабых, может быть продемонстрировано в следующих высказываниях делегатов в ходе заседаний Генеральной Ассамблеи ООН (в приводимых в исследовании высказываниях курсивом выделены автором актуальные для анализа компоненты – Н.Б.):

“But our shared grief is a poignant reminder that our collective future will hinge on our ability to recognize our common humanity and to act together” (remarks by President Biden Before the 76th Session of the United Nations General Assembly).

“As a global community, we’re challenged by urgent and looming crises wherein lie enormous opportunities... Will we work together to save lives, defeat COVID-19 everywhere...?” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“And in that chorus of voices across languages and continents, we hear a common cry: a cry for dignity – simple dignity” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

Мировой порядок представляется, таким образом, как продукт деятельности всех стран, объединённых общими ценностями, нормами и правилами. Подобные ценности зафиксированы в основополагающих прецедентных для данного дискурса текстах: Устав ООН, Всеобщая декларация прав человека, официальные документы повесток, в частности «Повестка 2030», на которые участники международной организации часто ссылаются как на «источник авторитета» для защиты собственной позиции [5]:

“Will we apply and strengthen the core tenets of the international system, including the U.N. Charter and the Universal Declaration of Human Rights, as we seek to shape the emergence of new technologies and deter new threats? Or will we allow these universal principles to be trampled and twisted in the pursuit of naked political power?” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

Из приведённого выше отрывка можно заключить, что коммуникант изначально предполагает знание этих текстов всеми членами мирового сообщества, членами «семьи», и ценностей, которые они проводят (всеобщее единение, равенство, стремление к улучшению качества жизни населения, защита прав человека, предоставление помощи нуждающимся и т.д.). Нельзя не подчеркнуть и особенности использования базового метафорического концепта ОБЪЕКТИВАЦИЯ [6], посредством которого ценности и принципы ООН (сами по себе нематериальные явления) представляются объектами, с которыми можно совершить определённые манипуляции («исказить», «попрать» – *principles to be trampled and twisted*). При этом однозначно негативная аксиологизация данных лексем предполагает пресуппозицию того, что такие манипуляции вредны и от них этот объект необходимо защищать, что выражено в риторическом вопросе автора: “Will we allow these universal principles to be trampled and twisted?”. Подобная концептуализация общих ценностей «семьи» ООН с апелляцией к прецедентным текстам прослеживается и в следующих примерах:

“Our approach is firmly grounded and fully consistent with the United Nations’ mission and the values we’ve agreed to when we drafted this Charter. These are commitments *we all made* and that *we’re all bound to uphold*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“Finally, Building Back Better demands strengthening democratic governance, human rights protection and the rule of law, *in line with* the 2030 Agenda for Sustainable Development” [15].

Кроме того, подобная схема концептуализации взаимоотношений между акторами как между членами одной семьи предоставляет возможности для анализа актуальных типов иерархии и упорядочивания их взаимодействий. Данный пункт напрямую связан с пунктом 2, представленным ниже.

“<...> the commitment of my new administration to help lead the world toward a more peaceful, prosperous future *for all people*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“The United States will compete, and will compete vigorously, and *lead with our values and our strength*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“<...> using the power of our development aid to invest in new ways of *lifting people up around the world*; of renewing and *defending democracy*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“And as the United States seeks to *rally the world to action*, we will *lead* not just with the example of our power but, God willing, with *the power of our example*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

В приведённых высказываниях особое внимание обращает на себя репрезентация иерархической системы взаимоотношений международных акторов: кто в качестве лидера будет вести за собой (to help *lead* the world toward...), кто будет осуществлять благие, с точки зрения коммуниканта, задачи (*lifting people up around the world*, *renewing and defending democracy*), и от кого ожидается присоединение (seeks to *rally the world to action*).

2. По результатам исследования для изучения концептуализации взаимоотношений между государственными и негосударственными субъектами на международной арене в англоязычном дискурсе ООН можно выделить четыре основных слота, объединённых в рамках «особых связанных областей знания, логически связных схематизаций опыта» [8]: концептуализирующих участников опыта и их отношения, а также среду, в которой их отношения разворачиваются [2], [3] (один слот – условия реальности и три слота – типы участников):

- **Первый слот** – это условия реальности взаимодействий государственных и негосударственных объединений, то есть проблемы, вызовы и угрозы, по причине которых создана и продолжает работу по борьбе с ними ООН (*Main Challenges and Threats*). Концептуализация осуществляется за счёт лексем с ярко выраженным негативным аксиологическим компонентом, в лексический состав которых входят семы тревоги, страха, враждебности, непримиримости (в борьбе с ними). К основным из них относятся изменения климата, которые в англоязычном дискурсе ООН уже чаще называются не просто «изменениями» (*climate change*), а «кризисом» (*climate crisis*), «чрезвычайной ситуацией» (*the climate emergency*) или даже «хаосом» (*climate chaos*); пандемии (в современном англоязычном дискурсе это, главным образом, вирус COVID-19, представляемый в антропоморфной репрезентации «врага», которого необходимо одолеть: *to defeat*); загрязнение и уничтожение окружающей среды; вооружённые конфликты; ущемление прав уязвимых слоёв населения; социально-экономическое неравенство.

Ниже представлены высказывания Генерального секретаря ООН и представителей государств, где коммуникантами профилируются основные вызовы современного миропорядка и конструируется семантическое поле с ярко выраженным негативным оценочным компонентом. Если развивать далее концептуальную метафору Дж. Лакоффа о «заботливых родителях», то применительно к данному дискурсу её следует обозначить как *RELATIONS AMONG STATES ARE PARENT-CHILD RELATIONS* («Отношения между государствами – это отношения родителя и ребёнка»); *LEADER STATE IS A NURTURANT PARENT* («Государство-лидер есть заботливый родитель»). В приводимых высказываниях вербализуется реальность «опасностей», проблем и вызовов, (*evils* [12]), от которых «родителям» необходимо защищать своих «детей»:

“The meeting is taking place at *an extremely challenging moment* for multilateralism and global governance, with the international order *at risk of coming apart at the seams*, with challenges that include *the climate emergency*, the COVID-19 pandemic...” [17].

“Bombs and bullets cannot *defend against* COVID-19 or its future variants. To *fight* this pandemic, we need a collective act of science and political will” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

Стоит также заметить, что, в современном англоязычном дискурсе ООН не только благо разделяется всей «семьей» организации (что было продемонстрировано в высказываниях в предыдущем пункте), но и трагический, негативный и разрушительный опыт, который вербализуется коммуникантами с помощью приёма гиперболизации (в данном случае – гиперболизации универсальности негативного явления):

“We’ve lost so much to this *devastating pandemic* that continues to *claim lives around the world* and impact so much on our existence. We’re mourning more than 4.5 million people — *people of every nation from every background*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“<...> the challenging climate we’re *all* feeling already *ravaging every part of our world* with extreme weather <...>” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“It is the only way to avoid widespread food shortages, deepening *climate chaos*, and a wave of poverty and destitution that will *leave no country untouched*” [17].

“The extreme weather events that we have seen in *every part of the world* – and *you all* know it and feel it – represent what the Secretary-General has rightly called “*code red for humanity*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

“Describing this as “*collective suicide*”, the UN chief called for a “*renewable energy revolution*,” with ending the *global addiction* to fossil fuels as the top priority” [17].

Помимо пугающего образа «массового самоубийства» (*collective suicide*), в последнем выскакивании интереса заслуживает и сочетание *global addiction to fossil fuels*, где для концептуализации негативного с точки зрения коммуниканта явления, то есть широкого использования ископаемых видов топлива, он прибегает к сфере болезней/медицины как источнику метафоры и устанавливает связь между этим явлением и болезненной зависимостью от него, создавая таким образом определённое семантическое поле концептуальной метафоры *USING FOSSIL FUELS IS A COMPULSIVE BEHAVIOUR* («Использование ископаемого топлива есть форма психического расстройства»): 1) *fossil fuels are harmful* («ископаемое топливо есть вред»), 2) *relying on fossil fuels is a compulsive behaviour (addiction)* («использование ископаемых видов топлива – форма психического расстройства, зависимости»), 3) *(almost) everyone suffers from the behaviour* («(почти) все страдают от этого расстройства»).

Таким образом, можно констатировать, что первый слот задаёт крайне негативную фоновую ситуацию взаимодействий субъектов, полную угроз и опасностей, что укрепляет лингвистическую модель «семьи заботливых родителей» в свете презентации острой необходимости поддержки и помощи более слабому (от более развитого – менее развитому).

Следующие слоты (второй, третий, четвёртый) представляют собой непосредственно участников, субъектов коммуникации, которые разделены неоднородно, но в рамках трёх основных категорий.

- **Первая категория** – государства, презентируемые как способные выступать лидерами в противодействии с угрозами (то есть «родители» в соответствии с рассмотренной выше концептуальной моделью либеральной семьи заботливого родителя). Основными критериями для включения в эту группу выступают, как правило, материальные признаки: состояние экономики и уровень благосостояния, качество жизни, уровень развития технологий и инфраструктуры, но не только – ещё демократический политический строй государства: это *developed countries/the developed world, major democracies, major economies, advanced nations, rich countries*. Именно на эту категорию государств возлагается «родительское» бремя ответственности за преодоление проблем в мире и морального долга, – выделение необходимых средств в соответствующие сектора экономики и целевые фонды, инвестирование в странах, обращающихся к ним за помощью, и предоставление других видов поддержки (которые в рамках выступлений делегатов могут и не конкретизироваться):

“And we in the developed world must recognise our *obligation to help*” (the 76th Session of the UN General Assembly, Boris Johnson).

“I committed that the UK would provide £11.6 billion to help the rest of the world to tackle climate change” (the 76th Session of the UN General Assembly, Boris Johnson).

“President Biden and G7 partners agreed to launch the bold new global infrastructure initiative Build Back Better World (B3W), a values-driven, high-standard, and transparent infrastructure partnership led by *major democracies to help narrow the \$40+ trillion infrastructure need in the developing world*” [7].

Примечательно, что поддержка малых государств связывается коммуникантами не только с нравственным обязательством перед членами одной большой семьи, но и положительными последствиями планетарного масштаба:

“And these investments will not only help the countries of the world to tackle climate change: they will produce *millions and millions* of high wage, high skill jobs, and today’s workforce and *the next generation* will have *the extra satisfaction* of knowing that they are not only doing something useful – such as providing clean energy – but helping to *save the planet* at the same time” (the 76th Session of the UN General Assembly, Boris Johnson).

- **Вторая категория** является самой многочисленной – это государства или группы государств, презентируемые в качестве «жертв» разнообразных современных угроз и вызовов [4]. Данную группу можно также отнести к категории «детей» (согласно вышеназванной концептуальной модели семьи), то есть тех государств или общностей, которые страдают от ряда проблем, но не в состоянии их решить самостоятельно. В современном англоязычном дискурсе ООН для данной категории существует множество вариантов номинации, в зависимости от контекста и угла

зрения на проблему. Так, наблюдается деление по признаку их недостаточного экономического, технологического, политического (отсутствие демократии) развития, а также отсутствия у них достаточного потенциала для противодействия стихийным бедствиям, в связи с чем они находятся в «уязвимом» (*vulnerable*) или слабом положении. В англоязычном дискурсе ООН эта мысль выражается, например, следующим образом: [those who] *face unique social, economic and environmental vulnerabilities* [16]. Рассматриваемая категория вербализуется такими лексемами и фразеологическими единицами, как *developing countries/the developing world, the least developed countries, emerging economies, SIDS (Small Island Developing States), landlocked states, low lying islands/countries, low/middle-income countries*. Кроме того, следует выделить и иной критерий репрезентации «жертв» – это уязвимость, слабость конкретной социальной общности, её «социальная отчуждённость», отсутствие необходимых средств к существованию или доступа к необходимым продуктам и услугам, ущемление её прав. Данная категория представлена лексемами *vulnerable, marginalized, underprivileged, poor(er), disadvantaged, those in need etc.* Нередко сюда определяются и целые слои населения: женщины, дети (в некоторых случаях девочки выносятся в отдельную категорию), беженцы, инвалиды, пожилые люди, сексуальные, национальные, языковые меньшинства и т.д.:

“<...> the most *vulnerable populations* and individuals are once again being hit the hardest” [15].

“*Women, who make up the majority of the workforce in economic sectors being most affected, now must also bear the brunt of additional caregiving*” [Ibid.].

“*Older persons and persons with disabilities* are at much higher risk of death from the virus. *Indigenous peoples* and people of African descent, as well as *migrants and refugees*, are also suffering disproportionately, as *vulnerability multiplies*” [Ibid.].

- **Третья категория** – категория государственных и негосударственных образований, которые не попадают ни в одну из вышеперечисленных групп, поскольку с точки зрения конструируемой в англоязычном дискурсе ООН картины мира они выходят за границы «семьи», не разделяют её «общих» ценностей и обязательств. Как правило, номинация производится либо напрямую (в последующих примерах можно увидеть, какие именно государства называются коммуникантами в данном контексте), либо с помощью неконкретных описательных оборотов “*they*”, “*those who...*”, без отсылки к определённым классам субъектов (в отличие от предыдущих двух категорий, чья номинация представлена именно классами). Следует отметить, что в данную категорию языковой модели мира попадают не только те, кто репрезентируется как непосредственно совершившие конкретное преступление (например, в силу нарушения определённого пункта международно-правового документа), но и те, кто не следует рекомендательным правилам и нормам, которые мыслятся как «общие» и единые для всех, – например, те акторы, которые выступают против либеральных политических и социально-экономических ценностей:

“Only global cooperation <...> can ensure competition is fair and does not succumb to protectionism, with its *certain path to lost jobs and international confrontation*” (73rd Session of the UN General Assembly, Theresa May).

В высказывании бывшего премьер-министра Великобритании Т. Мэй особого интереса заслуживает выражение *succumb to protectionism*. Политика протекционизма вербализуется здесь как разрушительная, пагубная сила, которой поддаются, как искушению (фразеологизм *succumb to temptations* [14]), либо от которой погибают, как от болезни (см. устойчивое словосочетание *succumb to a disease* [13]). Немалое значение имеет также установление логической связи между протекционизмом и «неизбежной потерей рабочих мест» (with its *certain path to lost jobs*).

“Externally, *malign actors* seek to *weaponize instability* against other states. *Iran, for example, undermines the stability of its neighbors by using fragile states or non-state actors as proxies, contributing to protracted conflicts and complex humanitarian crises*” (remarks at a UN Security Council Open Debate on Fragile States, January 6, 2021).

Приведённое высказывание демонстрирует, что в англоязычном дискурсе ООН рассматриваемая категория субъектов может подвергаться номинации и с точки зрения определённого класса субъектов, в данном случае коммуникант именует государство Иран «злоумышленником» или «преступником» (*malign actor*).

“We must stick by our principles and act quickly when states *fail to comply with their obligations* <...> We urge Syria to meet its obligations <...>” (UK statement: General Debate of the UN General Assembly First Committee).

“We have deep concerns about Iran’s *destabilising activity* and its ballistic missile activities are *inconsistent with UNSCR 2231* <...>; Iran’s *escalatory nuclear activity undermines the counter-proliferation value of the JCPOA and threatens its preservation*” (UK statement: General Debate of the UN General Assembly First Committee).

В приведенном примере следует вновь обратить внимание на отсылку автора к прецедентным текстам – международно-правовым документам, Резолюции Совбеза ООН 2231 и Совместному всеобъемлющему плану действий по ядерной программе Ирана (UNSCR 2231 и JCPOA соответственно), которые также, наряду с уже рассмотренными в предыдущем пункте другими документами ООН, выступают в качестве гаранта общих ценностей организации. Именно отступление от этих ценностей и репрезентируется как опасное, чреватое пагубными последствиями нарушение общих устоев. С действованием базового метафорического концепта ОБЪЕКТИВАЦИЯ ценностей и механизмы, закреплённые в документах, моделируются в качестве материальных объектов, которые нужно защищать от вредоносных действий, целостность которых может нарушиться (*undermines the counter-proliferation value of the JCPOA and threatens its preservation*).

3. По результатам анализа приведённых выше словов представляется целесообразным отнести такой тип лингвистической репрезентации реальности к известной концептуально-метафорической модели взаимоотношений «Война за правое дело», в англоязычном варианте американского лингвиста Дж. Лакоффа – *The fairy tale of the just war* («Легенда о войне за правое дело») [11]. Согласно этой модели, коммуниканты концептуально делят окружающую их действительность на категории злодеев, жертв и героев (“The fairy tale of the just war has a cast of characters: a villain, a victim, and a hero” [11]), с присущей асимметрией внутри таких отношений: злодеи противодействуют героям и автоматически встают в позицию аморальности и необоснованности. В рассматриваемом здесь типе дискурса «злодеями» репрезентируются страны или другие субъекты, нарушающие принципы международного права, и/или государства, придерживающиеся политики изоляционизма, автаркии и др. антиглобалистских стратегий; «жертвами» – рассмотренные выше многочисленные категории развивающихся стран, а также ряд «уязвимых» слоёв населения; «спасителями/героями» – развитые страны, страны с высоким уровнем дохода, страны-демократии.

При этом, как подчёркивает Дж. Лакофф, нередко у героев нет причин для дискуссий со злодеями с целью определить, кто именно прав в споре, поскольку злодей сам по себе представляется нелогичным и не вполне рациональным – с ним нужно только активно бороться: “The hero is rational, but though the villain may be cunning and calculating, he cannot be reasoned with. Heroes thus cannot negotiate with villains; they must defeat them” [11].

Подобная концептуализация правильной и решительной борьбы со «злом» ярко прослеживается в частности в риторике президента США Дж. Байдена, например, в ходе его выступления на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН:

“Those who commit acts of terrorism against us will continue to find a determined enemy in the United States” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

В следующем высказывании стоит обратить внимание на чёткую категоризацию, которую конструирует автор с помощью приёма противопоставления, проводя черту между теми, кому открыты перспективы будущего в рамках общего опыта семьи ООН, и теми, кому – нет (и кто, таким образом, оказывается вне этого «всеобщего» опыта).

“The future will belong to those who embrace human dignity, *not trample* it. The future will belong to those who unleash the potential of their people, *not those who stifle* it. The future will belong to those who give their people the ability to breathe free, not those who seek to suffocate their people with an iron hand” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

В данном примере также примечательно обилие абстрактных явлений – человеческое достоинство, потенциал, возможности. Хотя эти явления и «материализуются» посредством когнитивно-лингвистических средств (см. упомянутый выше базовый концепт ОБЪЕКТИВАЦИЯ, в

данном случае манипуляции, производимые с концептуализируемыми объектами *trample, stifle, suffocate with an iron hand*), реципиенту приходится самому интерпретировать коммуникативное сообщение из-за отсутствия конкретных лиц, ответственных за «попирание человеческого достоинства», «угнетение потенциала населения» или «удушение железной хваткой».

Следующее высказывание ярко вписывается в контекст «войны за правое дело»:

“The authoritarianism of the world may seek to proclaim the end of the age of democracy, but *they're wrong*. The *truth* is: *the democratic world is everywhere*. It lives in the anti-corruption activists, the human rights defenders, the journalists, the peace protestors on the frontlines of this *struggle* in Belarus, Burma, Syria, Cuba, Venezuela, and everywhere in between” (the 76th Session of the UN General Assembly, Joe Biden).

Лексема *struggle*, объединённая в семантическом поле высказывания с лексемой *truth*, формирует однозначную сегментацию субъектов действительности в соответствии с моделью концептуального противопоставления СВОЙ vs. ЧУЖОЙ [6]: с первой категорией (коррелирующей с положительной оценкой) ассоциируются здесь группы демократических сил, со второй – последователи авторитаризма, чья «отчуждённость» конструируется в частности с помощью местоимения *they*.

Выводы

Таким образом, в результате анализа образцов современного англоязычного дискурса ООН можно проследить концептуологические основы конструирования современного миропорядка. Следует обратить внимание на дихотомию коммуникативных приёмов «объединение – сегментация». С одной стороны, наблюдается профилирование признака всеобщности, универсальности ценностей в силу апелляции к сфере-источнику «семья», универсальности как позитивных, так и негативных явлений, происходящих в мире и распространяющихся на всех «членов семьи» и вызывающих необходимость помощи «увязанным», а для развитых стран – выполнение своего морального долга поддержки. С другой стороны, имеет место разделение мирового пространства на различные категории, однозначное проведение границ между ними с обозначением иерархии их отношений и ролей в обществе. Последнее реализуется с помощью концептуального противопоставления СВОЙ vs. ЧУЖОЙ и особой концептуально-метафорической модели *The fairy tale of the just war*, а также концептуальных метафор: 1) THE WORLD IS A FAMILY (субъекты, не принимающие ценности «семьи», исключаются из неё как «чужие»), 2) RELATIONS AMONG STATES ARE PARENT-CHILD RELATIONS, LEADER STATE IS A NURTURANT PARENT («свои» – это группа государств-«родителей», представленных в английском языке как развитые демократии и экономики мира: *developed countries, major democracies/economies, advanced nations*, и многочисленная группа «детей», получающих необходимую для них поддержку, с разнообразными вариантами номинации: *countries with special needs, the developing world, landlocked states, vulnerable, marginalized etc.*).

Знание концептуальной и метафорической основ современного англоязычного дискурса ООН позволяет выявить основополагающие принципы лингвистического конструирования действительности, которые можно использовать как в обучении английскому языку и переводоведении (благодаря усвоению частотных концептов и опорных когнитивно-лингвистических средств), так и в дальнейших исследованиях, посвящённых современному общественно-политическому дискурсу английского языка с возможностью выхода в русло pragматического подхода к определению конкретных речевых стратегий и тактик. Представляется целесообразным использовать результаты исследования в сравнительном анализе с целью выявления сходств и различий в концептуализации современного миропорядка в англоязычном дискурсе и в дискурсах других официальных языков ООН, сопряжённых с уникальными для них языковыми картинами мира (франкоязычный, русскоязычный дискурс ООН и др.).

Список литературы

1. Архипов И.К. Когнитивные структуры знания и средства их выражения в языке // Когнитивные исследования языка, 2008, №3. С. 158–168.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.
3. Ковалев Н.А. Эволюция концепта COLD WAR в американском политическом дискурсе (на материалах СМИ). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГИМО, 2020. 173 с.
4. Новиков Д.Н. Концептуализация системы морали в современном англоязычном политическом дискурсе в контексте феномена глобализации (на материале выступлений в Организации Объединённых Наций) / Д. Н. Новиков, Н. М. Брицына // Филологические науки в МГИМО, 2020, №3 (23). С. 33–41. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-33-41
5. Слыскин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
6. Чес Н.А. Концептуальная метафора как средство конструирования политической реальности в современном медиадискурсе // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей / Отв. ред. серии В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 57. М.: МАКС Пресс, 2017. С. 271–282.
7. Fact Sheet: President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (дата обращения 23.06.2022)
8. Fillmore, Ch. Frames and the semantics of understanding // *Quaderni di Semantica*, 1985, 6 (2). P. 222–254.
9. Ghafele, R. The metaphors of globalization and trade. An analysis of the language used in the World Trade Organization. Vienna University, 2004. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/37736/> (дата обращения 21.06.2022)
10. Lakoff, G., Johnson, G. Conceptual metaphor in everyday language // *The Journal of Philosophy*, 1980, vol. 77, no. 8. P. 453–486.
11. Lakoff, G. Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the Gulf // *Peace Research*, 1991, 23. P. 25–32.
12. Lakoff, G. Metaphor, morality, and politics, or, why conservatives have left liberals in the dust // *Social Research*, 1995, vol. 62, no. 2. URL: <http://www.wwcd.org/Issues/Lakoff.html> (дата обращения 21.06.2022)
13. Merriam Webster, 2022. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения 23.06.2022)
14. Oxford Learner's Dictionaries, 2022. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 23.06.2022)
15. Rebirthing the Global Economy to deliver Sustainable Development. URL: <https://www.un.org/en/coronavirus/building-back-better-requires-transforming-development-model-latin-america-and-caribbean> (дата обращения 22.06.2022)
16. Steering Committee on Partnerships for Small Island Developing States (at the ambassadorial level). URL: <https://media.un.org/en/asset/k1y/k1yu3lnsgo> (дата обращения 23.06.2022)
17. Strengthening multilateralism “only way” to peaceful world for all: Guterres. URL: <https://news.un.org/story/2022/07/1122212> (дата обращения 22.06.2022)
18. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development. URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения 29.06.2022)
19. United Nations Secretary-General's Report “Our Common Agenda”. URL: <https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/> (дата обращения 29.06.2022)

References

1. Arkhipov, I. Kognitivnye struktury znaniia i sredstva ikh vyrazheniiia v iazyke [Cognitive structures of knowledge and methods of their expression in language]. *Cognitive Studies of Language*, 2008, 3. P. 158–168.
2. Karasik, V. *Iazykovoi Krug: Lichnost', Kontsepty, Diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd: Pere-mena, 2002. 476 p.
3. Kovalev, N. *Evoliutsia Kontsepta COLD WAR v Amerikanskem Politicheskem Diskurse (na Materialakh SMI)* [Evolution of COLD WAR Concept in American Political Discourse (Based on Media Materials)]. MGIMO University, 2020. 173 p.
4. Novikov, D., & Britsyna, N. Kontseptualizatsiia sistemy morali v sovremennom angloizachynom politicheskem diskurse v kontekste fenomena globalizatsii (na materiale vystupleniy v Organizatsii Obyedinennykh Natsiy). [The conceptualization of morality in modern English-language globalization discourse: evidence from the United Nations speeches]. *Linguistics & Polyglot Studies*, 2020, 3 (23). P. 33–41. DOI: 10.24833/2410-2423-2020-3-23-33-41
5. Slyshkin G. *Ot Teksta k Simvolu: Lingvokulturnye Kontsepty Pretsedentnykh Tekstov v Soznanii i Diskurse*. [From Text to Symbol: Linguistic-Cultural Concepts of Precedent Texts in the Minds and Discourse]. Moscow: Academia, 2000. 128 p.
6. Ches, N. Kontseptual'naia metafora kak sredstvo konstruirovaniia politicheskoi real'nosti v sovremennom mediadiskurse. [Media discourse analysis: how conceptual metaphors construct political reality]. *Yazyk, Soznanie, Kommunikatsiia: Sbornik Statei* [Language, Cognition, Communication: Collected Works] (V. Krasnyh & A. Izotov series eds. in chief). Vol. 57. Moscow: MAKS Press, 2017. P. 271–282.
7. Fact Sheet: President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership, [whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/](https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/) (accessed 23 June 2022)
8. Fillmore, Ch. Frames and the semantics of understanding. *Quaderni di Semantica*, 1985, 6 (2). P. 222–254.
9. Ghafele, R. The metaphors of globalization and trade. An analysis of the language used in the World Trade Organization. Vienna University, 2004, mpra.ub.uni-muenchen.de/37736/ (accessed 21 June 2022)

-
10. Lakoff, G., & Johnson, G. Conceptual metaphor in everyday language. *The Journal of Philosophy*, 1980, vol. 77, no. 8. P. 453–486.
 11. Lakoff, G. Metaphor and war: the metaphor system used to justify war in the Gulf. *Peace Research*, 1991, 23. P. 25–32.
 12. Lakoff, G. Metaphor, morality, and politics, or, why conservatives have left liberals in the dust. *Social Research*, 1995, vol. 62, no. 2, wwcd.org/issues/Lakoff.html (accessed 21 June 2022)
 13. Merriam Webster, 2022, merriam-webster.com (accessed 23 June 2022)
 14. Oxford Learner's Dictionaries, 2022, oxfordlearnersdictionaries.com/ (accessed 23 June 2022)
 15. Rebirthing the Global Economy to deliver Sustainable Development, un.org/en/coronavirus/building-back-better-requires-transforming-development-model-latin-america-and-caribbean (accessed 22 June 2022)
 16. Steering Committee on Partnerships for Small Island Developing States (at the ambassadorial level), media.un.org/en/asset/k1y/k1yu3lnsgo (accessed 23 June 2022)
 17. Strengthening multilateralism “only way” to peaceful world for all: Guterres, news.un.org/en/story/2022/07/1122212 (accessed 22 June 2022)
 18. Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development, sdgs.un.org/2030agenda (accessed 29 June 2022).
 19. United Nations Secretary-General's Report “Our Common Agenda”, un.org/en/content/common-agenda-report/ (accessed 29 June 2022)

Сведения об авторе:

Настасья Михайловна Брицына – преподаватель кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, концептуальные метафоры, семантический анализ, прагматика, геолингвистика. ORCID: 0000-0002-5439-8195.

E-mail: nast.britsyna@mail.ru

About the author:

Nastasia Britsyna is Lecturer at Department of English No. 3, MGIMO University. Research interests: cognitive linguistics, conceptual metaphors, semantic analysis, pragmatics, geolinguistics. ORCID: 0000-0002-5439-8195. E-mail: nast.britsyna@mail.ru

* * *